

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	4
2. Литературная картография России.....	6
3. Русская историософия.....	8
4. Историко-литературный контекст «Золотого века».....	12
4.1. Пушкин – «alter ego русской души».....	15
4.2. «Евгений Онегин» как «энциклопедия русской жизни».....	17
5. Образ русского города.....	18
5.1. Имперская столица.....	19
5.2. Провинциальный город.....	25
6. Сельское пространство России.....	27
6.1. Локус «сад».....	29
7. Русская природа.....	30
8. Русская семья.....	34
9. Русский травелог.....	36
9.1. Мотив дороги.....	36
9.2. Восточная парадигма.....	39
9.3. Западная парадигма.....	40
10. Вещный мир.....	43
10.1. Мелкие вещи.....	43
10.2. Одежда и жилище.....	44
10.3. Еда и напитки.....	47
11. Ирреальное пространство: Сны.....	49
Примечания.....	51

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель обзора – дать представление о восприятии современной американской славистикой этнического колорита в русской классической литературе XIX в.

Первая академическая программа славистических исследований начала осуществляться в США в 1896 г. в Гарвардском университете¹.

Бурный расцвет американской славистики пришелся на конец 50-х – начало 60-х годов XX в., когда изучение в университетах США русского языка и русской литературы выделилось в специальную «русскую программу». Наиболее значительные центры изучения русской литературы в США тех лет – Гарвардский, Йельский, Колумбийский и Калифорнийский (Беркли) университеты. Первое поколение выпускников этих университетов стало принимать участие в научных программах по академическому обмену с СССР. Значительный интерес к русской классике со стороны американского литературоведения во многом определялся пристальным вниманием всего западного мира к успехам Советского Союза в области освоения космического пространства – страны, запустившей «русский спутник».

Начиная с 70-х годов XX в. на изучении русской классической литературы сосредоточена исследовательская и издательская деятельность славистических отделений университетов и колледжей США; научных центров; ассоциаций, обществ, библиотек и периодических изданий, прежде всего журналов: «The Russian Review» («Российское обозрение»), «Slavic and East European Journal» (SE EJ) («Славистический и Восточноевропейский журнал»), «Slavic Review» («Журнал славистики»).

Вместе с тем, подчеркивает В.В. Ванчугов², необходимо учитывать, что «золотой век» американской славистики приходится на период существования Советского Союза, когда против-

стояние двух сверхдержав порождало необъективно-тенденциозную трактовку русского культурного наследия.

В 1990–2000-е годы на фоне бурного развития имагологии интересы американских славистов сосредоточились на рассмотрении образа «чужой страны» – России и образа «чужого народа» – русских, высеченных в произведениях русских писателей XIX в.

Разные аспекты «этнопоэтики» (термин В.Н. Захарова³), связанные с восприятием русской классики, освещают в своих статьях и монографиях М.Г. Альтшуллер, Р.Л. Белнап, Д. Бетеа, К. Бланк, Г. Боград, Дж.Г. Гаррард, Б.М. Гаспаров, М. Гринлиф, Р.Ф. Густафсон, С. Давыдов, П. Дебрецени, Р.Л. Джексон, Е.Н. Дрыжакова, С. Евдокимова, Д.Г. Кропф, Р.А. Магуайер, О. Матич, С. Монас, Р.Ф. Миллер, К.Ф. Парте, Н. Перлина, С. Сандлер, С. Сендерович, В. Террас, У.М. Тодд III, Дж. Фрэнк, Д.Л. Фэнджер, М. Холквист, Ю. Штридтер, С.П. Шульце, К. Эмерсон и другие американские слависты. Многие из этих литературоведов проходили стажировку в нашей стране (Р.Л. Белнап, М. Гринлиф, Р.Л. Джексон, У.М. Тодд, К. Эмерсон), либо работали в России (П. Дебрецени, С. Давыдов); другие до своего отъезда в США получили филологическое образование в СССР (М. Альтшуллер, К. Бланк, Г. Боград, Б. Гаспаров, Е. Дрыжакова, С. Евдокимова, Е. Сливкин, Ю. Штридтер).

Принимая во внимание такую «разнохарактерность» подготовки славистов США, профессор Гарвардского университета Уилльям Миллз Тодд III (William Mills Todd III) считает «весьма проблематичными» попытки выделить «нечто специфически североамериканское» в трудах этих ученых. Однако определенные тенденции, свойственные современной русистике США, все же позволяют выделить именно «американские особенности» этих исследований. Прежде всего к ним относятся эклектизм методологических подходов западного литературоведения (семиотика московско-тартуской школы, немецкая рецептивная эстетика, анализ в духе М.М. Бахтина, французский постструктурализм); обращение к смежным гуманитарным наукам (философия, история, этнография, психология, лингвистика, социология, политология).

Главную же особенность У.М. Тодд III усматривает в применении методики «новой критики» (new criticism) как основного направления литературоведения США в 1930–1950-х годах. Определяя специфические черты этого формалистического направления, Е.А. Цурганова отмечает, что «новая критика» выдвинула «теории, сводящиеся к восприятию произведения искусства как чисто эстетического явления»: искусство трактуется не как отражение

и познание действительности в позитивистском понимании, а как «средство и цель эстетического эксперимента». В основе этих исследований – «изолированно взятый текст», который рассматривается в качестве «автономно существующей органической структуры»⁴.

Предмет скрупулезного анализа славистов США – хронотоп (термин М.М. Бахтина⁵) русской литературы XIX в. и составляющие его бинарные оппозиции: «свое» / «чужое», «реальное / нереальное». В системе этих противопоставлений анализируются концепты художественного пространства и художественного времени. Художественное пространство рассматривается в оппозиции: «родное пространство» (город столичный, город провинциальный; деревня среднерусской полосы) / «удаленное пространство» (Сибирь, Кавказ, европейский Запад). Художественное время также анализируется в системе противопоставлений: «реальное» (хроникально-бытовое) время российской действительности / «нереальное» (условное) время в воспоминаниях, грезах, снах и утопических мечтаниях образов-персонажей.

В центре внимания американских славистов, исследующих этнопоэтику произведений русских писателей XIX в., – «предметная заселенность» (В.Н. Топоров⁶) и различные функции «вещного мира» (особенности портрета, жилища и одежды персонажей; бытовые этнические детали).

Исследование «русского культурного пространства» в работах американских славистов сопровождается обращением к мифологии, национальным традициям народной культуры и древним жанровым формам словесного творчества. С этих же позиций, как правило, рассматриваются традиционные архетипы – «усадебья», «монастырь», «сад», «перекресток», «крест», «лестница» и другие модели, которые в произведениях русских писателей приобрели национальную окрашенность и новый символический смысл.

2. ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТОГРАФИЯ РОССИИ

Понятие «русское культурное пространство» («Russia's inreal estate») сформулировано профессором Рочестерского университета Кэтлин Франсес Парте (Kathleen Frances Parthé)⁷. Статью американской исследовательницы «“Призрачное имущество” России: Когнитивная картография и национальная идентичность» / «Russia's

“inreal estate”: Cognitive mapping and national identity»⁸ предвзывает эпиграф: «Я унаследовал восхитительную фатаморгану, все красоты неотторжимых богатств, призрачное имущество»⁹ – фраза из романа В. Набокова «Другие берега», написанного в «американский период» его творчества. Образ «призрачного пространства» навсегда утраченной родины, созданный в воображении русского писателя, не укладывается в рамки сухого термина «когнитивная карта» (cognitive map, cognitive Landkarte), под которым понимают систему образов «знакового пространственного окружения». «Когнитивная карта» – термин, введенный в 1948 г. американским психологом Эдвардом Толменом (Edward Tolman)¹⁰. В статье К. Парте этот термин используется «скорее в метафорическом, чем в буквальном смысле»: чтобы полнее обозначить «пространственную составляющую» в структуре русской «национальной идентичности» («national identity»)¹¹.

В русской культуре прослеживаются явные свидетельства «идеологического моделирования географического пространства» под влиянием «непространственных аспектов»¹². В этом случае, подчеркивает К. Парте, речь идет не только о роли идеологии в восприятии окружающего мира как «судьбы», но и о воздействии пространства на религию, мифологию, этику, эстетику и политику.

«Родная земля», «Третий Рим», «Святая Русь» – список эмблематических названий, составивших на протяжении веков «географическую карту» национальной идентичности «русских». Два вида разных умозрительных карт – «духовной Святой Руси» и «имперской великой России», – соотносясь с традиционной оппозицией «свой / чужой», выводят на первый план понятие целостности как важнейшего для национальной идентичности и безопасности.

Третья, «символическая», «когнитивная карта» определяется большими или малыми «идеальными локусами», среди которых выделяются: Москва, Петербург; писательские усадьбы (Михайловское, Ясная Поляна); монастыри; Сибирь, Кавказ.

С «внутренней Святой Русью» (И.А. Ильин¹³) связана семантика четвертой «когнитивной карты» – «портативной», присутствующей в сознании русских вне зависимости от их места жительства, обеспечивая им чувство внутренней свободы даже в изгнании.

Директор Центра русских, восточных и евразийских исследований Эдит У. Клаус (Edith W. Clowes) (Канзасский университет) в монографии «Россия на краю: Воображаемая география и постсоветское пространство» / «Russia on the edge: Imagined

geographies and post-Social identity»¹⁴ знакомит англоязычного читателя с национальными концептами «Святая Русь», «Русская православная церковь», «имперская столица», «Москва», «уездная Россия». Существенно раздвигая пространственно-временные рамки своего исследования, Э.У. Клаус рассматривает творчество современных писателей-постмодернистов – Д.А. Пригова, В.О. Пелевина, А.Г. Дугина – на фоне российского культурного пространства прошлых веков.

3. РУССКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ

Доктор философии, профессор Университета Центральной Флориды Джон Райзер (John Riser) в статье «Русская философия и русская идентичность» / «Russian Philosophy and Russian Identity» отмечает, что «для понимания русской идентичности необходимо выявить все самобытно-уникальное в русской философии в качестве приоритетного предмета своего внимания нередко избиравшей именно тему России, ее самобытности»¹⁵.

Американский философ акцентирует внимание на достаточно устоявшейся точке зрения, что именно философия отражает главные особенности русского национального самосознания. Опосредованно русская философия представлена в художественной литературе и литературной критике: прежде всего в произведениях В. Белинского, братьев Киреевских, Ап. Григорьева, Ф. Достоевского, Л. Толстого и других писателей и критиков.

В терминологии К.Ф. Парте «имперская карта» «великой России» ассоциируется с понятиями «широкий простор» и «могущество»: Россия – «Третий Рим», демонстрирующий суверенную силу. На Западе твердая уверенность в особой миссии Российской империи сформировалась к концу XVIII – началу XIX в., когда российская имперская идеология преобразовалась в идеологию, провозглашавшую взамен «принципа единственности» – «принцип первенства и главенства в историческом времени», отмечает отечественный ученый А.М. Песков¹⁶.

Особой устойчивостью отличается интерес славистов США к русской историософии, одной «из наиболее самобытных составляющих русской словесности»¹⁷.

Можно предположить, что во многом интерес этот обусловлен «иммиграционным опытом американцев», отличающим их от народов других стран. Все жители Нового Света, недавно «при-

бывшие откуда-то», лишены «интимной связи с далеким прошлым, которой обладает большинство других народов», что превратило американцев в «нацию перемещенных лиц»¹⁸, констатирует американский теолог Уильям Д. Дин (William D. Dean). В поисках преемственной связи с историческим прошлым жители США устремляют свои взоры в прошлое других стран, откуда прибыли иммигранты, «в глубь их истории», «в древность».

Большинство других народов обладает определенным чувством старины, что помогает им обрести себя в местных генеалогиях, уходящих в бесконечное прошлое. Американцы воспринимают любую другую страну как «старую» страну, в то время как собственная страна кажется им «новой», иногда «тривиально новой». Если народы других стран считают свою веру «надежной», потому что она отражает сакральную традицию, то американцы испытывают острую потребность в религиозном восприятии, так как, не имея глубоких исторических корней, они лишены «связи с Богом через старые институты и религиозные традиции»¹⁹.

Тщетные попытки обрести эту религиозную связь вызывают у жителей Нового Света чувство тоски по древним корням своей прежней родины, подчеркивает американский историк литературы Харри Слокховер (Harry Slochower)²⁰.

В тесной взаимосвязи «поэзии» и «истории» усматривает отличительную черту русской литературы начала XIX в. профессор Питтсбургского университета Юрий Штридтер (Jury Striedter). Именно «в пользу истории» Карамзин оставил собственное художественно-литературное творчество, приступив к работе над своим трудом «История государства Российского», превратившим «прошлое России в собрание доступных неискушенному читателю поэтических историй»²¹.

Сохраняя иногда в сносках противоречивые записи современных летописцев, Карамзин в своем труде тем самым «притязал на ауру достоверного историка», отмечает профессор Стенфордского университета Моника Гринлиф (Monica Greenleaf).

Профессор Университета Висконсин Дейвид Бетеа (David Bethea)²² подчеркивает, что применительно к «Истории» Карамзина Пушкин использовал выражение «подвиг честного человека», наивысшую похвалу, которой он почтил своего предшественника. Свободная от дидактизма «История» Карамзина служила источником вдохновения для следующих поколений писателей XIX в., так как ее автор был не просто первым историком своего народа, но и первым и, возможно, «величайшим» мифографом.